

Покорение новых земель – еще одно неискоренимое желание человечества. В этом смысле мы мало отличаемся от животных, разве что масштабами территорий, которые стремимся «пометить».

Что чувствует человек, отправляющийся в путешествие – в командировку, в отпуск на море, в альпинистский поход? Эйфорию, возбуждение, выпадение из реальности. Ведь перемена места есть перемена времени. Отправляясь в путешествие, человек выпадает из линейного времени в некую область настоящего, позволяя себе погрузиться в «здесь и сейчас», хотя частенько кажется, что жизнь, не обремененная прошлым и будущим – не настоящая. Это объясняется, в частности тем, что путешествие обычно проходит в состоянии измененного сознания, своеобразного транса. Нет, мы понимаем – кто мы, где мы, но... Часто нам удается отложить мысль о возвращении к повседневности до самого трапа самолета. Человеку совершенно необходимо почувствовать себя в настоящем, избавиться от линейного времени, ибо только в этот

момент он становится самим собой. Но ощущая вину перед прошлым и будущим (долги, обязательства, планы), он объявляет настоящее ненастоящим и может позволить его себе только в качестве отпусковой роскоши.

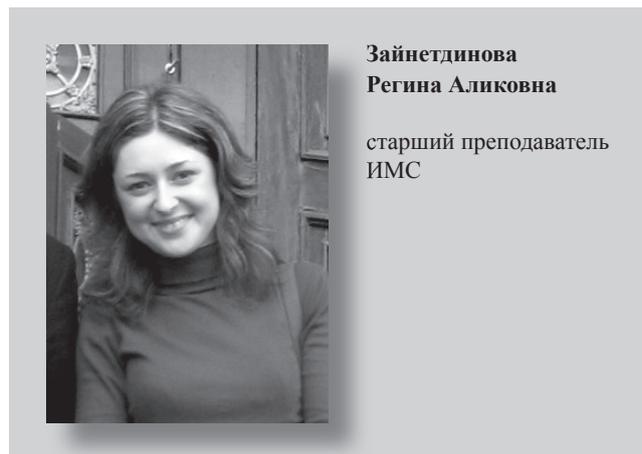
Путешествия являются одним из немногих социально одобряемых способов выпадения из реальности (в отличие от наркотиков, алкоголя, азартных игр). Линейное время плохо действует на психику человека, и каждый время от времени находит лазейку, чтобы из этого времени сбежать.

Есть три основных причины, по которым человек отправляется в путь: **бегство, поиск и возвращение**. Бегство от себя, поиск себя, возвращение к себе.

Вот и мы, как древние герои, подсознательно желаем в конце путешествия достигнуть чуда обновления, настоящего праздника. Но чаще путешествие не имеет конца потому, что мы духовные и душевные проблемы пытаемся решить путем перемещения в пространстве, а линия горизонта удаляется бесконечно.

Р.А. Зайнетдинова

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ СТРУКТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Ю. ЛОТМАНА

Зайнетдинова
Регина Аликовна

старший преподаватель
ИМС

По выражению В.А.Канке, начиная с Ф.де Соссюра «лингвистика зазывает философию к себе в гости, в дом языка»¹. В свою очередь, философия не уходит из этого дома без подарков: лингвистические методы проникают в исследовательские программы гуманитарного знания. Швейцарский

ученый считал лингвистику частью семиотики (семиологии, в его версии) – более общей науки. Семиотика как наука и как метод своим появлением и развитием обязана не только Соссюру, но и англо-американской ветви, представленной Ч.С.Пирсом и Ч.Моррисом, но в соссюрианском наследии семиотика тесно связана с другим методом – структурным. Язык – центральный и единственный объект лингвистики - рассматривается Соссюром как структура: со своими элементами, устойчивыми подсистемами различных уровней, определенными отношениями между элементами и подсистемами. Отсюда берет начало структурная лингвистика Р.О.Якобсона и Н.С.Трубецкого, структурное литературоведение В.Я.Проппа и Ю.Н.Тынянова, структурные методы в анализе социальных и культурных явлений французских исследователей – Р.Барта, А.Греймаса, К.Леви-Стросса, Ж.Лакана, М.Фуко.

Общей чертой структуралистских исследований, в наследство которым достается и семиотика, является то, что изучаемый объект понимается, прежде всего, как специфический язык или текст, «написанный» на этом языке. Этот язык или текст рассматривается как некая система, обладающая внутренней структурой. И к этому языку или тексту применяются методы, разработанные в лингвистике. Основными положениями Соссюра были: акустический образ (означающее) соединяется с понятием (означаемым) произвольно, когда знак занимает определенное место в системе; различие синхронии и диахронии, различие *langue* (языка как системы) и *parole* (речевой деятельности) с акцентом на первых членах пар. По мере использования применительно к объектам различной природы – языку, литературному произведению, мифу, социальным явлениям – структурно-семиотический метод дополняется и существенно видоизменяется.

Р.Якобсон, отчасти дополняя, отчасти отрицая Соссюра в понятии «динамической синхронии», разрабатывает общую схему коммуникации и типологию видов перевода, а также исследование фонологической и морфологической структуры языка с точки зрения бинарных оппозиций. Кроме того, Якобсону же принадлежит заслуга установления международных связей лингвистики с гуманитарными науками и естественными науками: «с Нильсом Бором он проводил совместные семинары в Массачусетском технологическом институте, где изучались, например, принципы интерпретации в физике и в лингвистике, с Франсуа Жакобом – обсуждал возможные параллели языкового и генетического кода, с Клодом Леви-Строссом прорабатывал возможности распространения методов исследования языка на этнологические объекты»².

В.Я. Пропп, применивший структурный метод к изучению специфики волшебной сказки, исходил из того, что диахроническому (историко-генетическому) рассмотрению сказки должно предшествовать ее строгое синхроническое описание, то есть выявление постоянных элементов (инвариантов), наличествующих в волшебной сказке и сохраняющихся в качестве предпосылки исследования при переходе от сюжета к сюжету. Отказ от изучения по мотивам в пользу изучения по функциям дал возможность В.Я. Проппу перейти к структура-

лизму. Открытые В.Я. Проппом инварианты и их соотношение в рамках сказочной композиции, а также парности (бинарности) большинства функций в сказке (недостача – ликвидация недостачи, запрещение – нарушение запрета, борьба – победа) составляют структуру волшебной сказки. Метод В.Я. Проппа, открывающий перспективы в анализе не только сказки, но и повествовательного искусства вообще, намного опередил структурно-типологические исследования на Западе (Франция, США): статья К. Леви-Стросса «Структурное изучение мифа», например, выходит в 1955 году. Американское издание «Морфологии сказки» Проппа было толчком для структурно-типологического изучения сказки в Соединенных Штатах, почва для которых была подготовлена деятельностью того же Р. Якобсона, который отметил ценность морфологических исследований В.Я. Проппа, их теоретическую близость работам по структурной лингвистике в комментариях к американскому изданию русских сказок в 1945 году³.

Н. Автономова подчеркивая, что «история структурализма в языкознании, да и в других гуманитарных науках, многоязыкая и международная»⁴, условно называет встречу Якобсона с Леви-Строссом в 1943 году в Нью-Йорке начальным моментом французского структурализма как переноса методов структурной лингвистики в область антропологии. Леви-Стросса можно считать основателем не только *французского* но и *философского* структурализма. Главная его цель – поиск внутренней логики в развитии человеческого духа. Сравнивая метод Фрейда, вскрывающий подсознание человека с геологическим обнажением доисторических пород, дополняя его «коллективным бессознательным» и «архетипами» К.Г. Юнга, теорией обмена Марселя Мосса, он занимается поиском основополагающих бессознательных структур, лежащих в основе культурных порядков общества.

Параллельно Леви-Строссу структуралистский поиск начинают Р. Барт – в области литературы и массовой культуры, Ж. Лакан в психоанализе, М. Фуко в истории идей. «В своей философской сути структурализм был попыткой провести некий рациональный импульс в особых условиях времени и культуры: он предполагал отталкивание как от классического рационализма, так и от современных им концепций субъективистской и персо-

налистской (прежде всего, экзистенциализм – Р.З.) ориентации. 1960-е годы были периодом бурного развития структуралистской проблематики <...> научная проблематика возгонялась на уровень философских споров и идеологических заклинаний, а потом и политических сущностей. То, что было разными аспектами языка, стало отдельными сущностями⁵. Структуралисты приняли установку на объективное познание человека и систем его отношений, на поиск неосознаваемых закономерностей любого индивидуального поступка или культурного продукта, тем самым участвуя в постановке философских проблем анализа противостоящих сущностей структуры – субъекта и структуры – истории. Н.Автономова выделяет четыре основных этапа становления структуралистской проблематики: 1930 – 1940 гг. – американский и европейский лингвистический структурализм: методы исследования языка; 1950 – 1960 гг. – французский структурализм во главе с К. Леви-Строссом: применение методов структурной лингвистики в этнографии, социальные механизмы как взаимодействующие знаковые системы; 1960 гг. – «размывание» лингвистической методологии, отдаление от образцов; конец 1960 – 1970 гг. критика и самокритика структурализма (поздний Фуко, Ж. Деррида)⁶.

Непосредственно в философии семиотику проблематизирует М.М.Бахтин, переиздание трудов которого приходится на 1960 – 1970-е в СССР, США и Франции, т.е. на время первых попыток выйти за рамки структурализма. Критика Бахтиным понятия структуры языка в ранних совместных с В.Н.Волошиновым и П.Н.Медведевым работах, а также коммуникативность, диалогичность, субъект-субъектность рассматривались теоретиками-постструктуралистами (Ю.Кристева) как средства преодоления кризиса структурализма. Участники коммуникативного акта находятся в ситуации постоянного становления языка, поэтому представление о языке как стабильной системой со своей лексикой, грамматикой, фонетикой, считает Бахтин, – результат абстрагирования, творение лингвистов, естественному носителю языка система не нужна, она нужна лишь тому, кто смотрит на язык со стороны и пытается им овладеть. «Отрицание языка как абстрактной системы» – пишет Н.Автономова, – «это отказ от главного сосюрковского понятия и от теоретической опоры всей структурной лингвистики. Вместе

с языком упраздняется тем самым и сосюрковская дихотомия языка и речи, а на первый план выводится речь как высказывание, находящееся вне языка как системы»⁷. Хотя, Н.Автономова замечает, что в более поздней работе – «Слове о романе» (1934–35) – Бахтин признает реальность языка и центристательные силы языка наряду с центробежными: язык «реален как сила преодолевающая разноречие, ставящая ему определенные границы и обеспечивающая минимум взаимопонимания»⁸, но и этот язык – не устойчивая система, а скорее процесс, в котором важнее неоднородность.

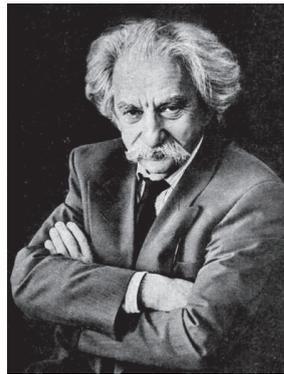
Семиотика для Бахтина – и философия знака, и наука об идеологиях, предметом которой является «особый мир: мир знаков. Знаки также – единичные материальные вещи, и, как мы видели, любая вещь природы, техники или потребления может сделаться знаком, но при этом она приобретает значение, выходящее за пределы ее единичной данности». Вся деятельность сознания рассматривается через взаимоотношение знаков: «само сознание может реализовать себя и стать действительным фактом лишь в материале знакового воплощения. Ведь понимание знака есть отнесение данного понимаемого знака к другим, уже знакомым знакам; иными словами, понимание отвечает на знак – знаками же. И эта цепь идеологического творчества и понимания, идущая от знака к знаку и к новому знаку – едина и непрерывна»⁹. Слово в контексте конкретных форм социального общения становится главным объектом науки об идеологиях и знаковых системах: «слово сопровождает и комментирует всякий идеологический акт <...> Все проявления идеологического творчества, все иные, не словесные знаки обтекаются речевой стихией, погружены в нее и не поддаются полному обособлению и отрыву от нее»¹⁰. Эта точка зрения, основана на коммуникативном понимании искусства и других явлений культуры. С помощью понятия «памяти жанра» описывается передача во времени определенных ситуаций коммуникации, сформировавшихся ранее в условиях непосредственного общения, тем самым Бахтин снимает противоположение исторической и синхронической поэтики. Коммуникативное понимание знака выводит Бахтина на проблему высказывания и диалогических отношений¹¹. Диалог является центральным понятием, вокруг которого группируются основные темы и достижения философа.

Структурализм можно считать частным случаем системного подхода в философии и естествознании XX в. (от философии космизма В.И.Вернадского и классической кибернетики Н. Винера до теории открытых систем И. Пригожина), в котором понятие «система» тесно связано с понятиями «структура», «элемент», «подсистема». Не смотря на то, что структурализм возник раньше, развивался самостоятельно и сохранил свою специфику даже после появления общей теории систем. С другой стороны, в настоящее время не прослеживается и заметного влияния структурализма на развитие системного подхода.

В таком контексте в 1950 – 1960х гг. начинает свою филологическую деятельность Ю.М.Лотман. Уже в 1962 году Лотман читает курс о применении «структуральных» методов в поэтике в Тартуском государственном университете. Вслед за В.Я.Проппом, который был его преподавателем во время обучения в Ленинградском государственном университете, Лотман переносит лингвистические структурные методы в литературоведение: «Вне учета достижений современного языкознания наука о литературе не выработает своей, насущно необходимой методологии структурного изучения художественных явлений, методологии, которая позволила бы избавиться от игнорирования художественной природы словесного искусства и от субъективизма в его истолковании»¹². В 1964 году проходит Первая Летняя школа по Вторичным моделирующим системам в Эстонии, этот же год считается годом основания Тартуско-московской семиотической школы.

Лотман в своих структурно-семиотических исследованиях прямо заявлял, что опирается на концепцию Соссюра, но если Соссюр рассматривает язык как замкнутую на себя систему, то Лотман акцентирует познавательную способность языка. Н.Автомова ставит Ю.М.Лотмана вместе с Р.Якобсоном и У.Эко в «группу продвинутых одиночек» опережающих как «континентальных» во главе с Соссюром, так и англо-американских во главе с Пирсом семиотиков. На вопрос «Кто Лотману ближе – Соссюр или Пирс?» она отвечает: «В смысле внимания к межзнаковым отношениям, к отношению между языком и речью (иначе

говоря, между языком и текстом <...>), конечно, Соссюр; в смысле внимания к различного ранга референтам, а также к роли семиотики в познании как природных, так и человеческих объектов <...> скорее англо-американские семиотики»¹³. Сам Лотман не позиционировал себя как строгого последователя какого-либо направления: «Ведь есть и чешский, и датский, и американский, и русский «структурализм». Все они различные. Кроме того, за последние несколько лет произошло настолько сильное движение вперед, что, по сути дела, в ряде случаев, вернее говорить о методологии, генетически восходящей к классическому «структурализму», но в значительной мере являющейся его отрицанием (в том смысле, в котором Якобсон как лингвист продолжает и отрицает Соссюра)... Леви-Стросс – крупнейший исследователь конкретного плана (что всегда наиболее ценно), Фуко – острый и талантливый философ, во французском значении

этого слова, а Барт и Кристева (прости, Господи, меня грешного!) мало интересны. Это писатели-эссеисты и не очень крупного масштаба»¹⁴.

С Р.Якобсоном и М.Бахтиным Лотман был знаком непосредственно.

Якобсон, который с 1920 по 1956 не был в Советской России, в 50-е годы разрабатывает подступы к общей науке о коммуникации, используя теорию информации¹⁵. В СССР теория информации привлекает к себе внимание после выхода в Москве в 1958 году «Кибернетики и общества» Н.Винера. По словам Б.Ф.Егорова, эта книга имела большой резонанс в литературоведении: «На Лотмана наибольшее впечатление произвел принцип обратной связи («Ведь это главный критерий демократичности государства! – воскликнул он. – «Низы» должны знать, что делается наверху, и наоборот»)»¹⁶. Также Якобсона с основателями Тартуско-московской семиотической школы сближает интерес к проблемам языка и функций полушарий головного мозга человека, к метаязыковым конструкциям.

В один из своих визитов в СССР в 1966 году по приглашению Международной Психологической Ассоциации Якобсон смог при помощи Ю.М.Лотмана принять участие во Второй Летней школе по Вторичным моделирующим системам в Тарту. А.К. Жолковский по этому поводу пишет:

«Лотману удалось «пробить» поездку Якобсона в Тарту, которая и состоялась под «наблюдением» приставленного к нему... Вяч. Вс. Иванова. А в промежутке Кома (*Вяч. Вс. Иванов – Р.З.*) решил устроить Якобсону и Кристине (*К. Поморской – Р.З.*) встречу с цветом молодой московской лингвистики, и возложил на меня почетную роль хозяина этого приема»¹⁷. Лотман позднее несколько раз обращался к Р.О. Якобсону через Вяч. Вс. Иванова с просьбой подписаться под изложением принципа изучения текстов культуры, который по предложению Юрия Михайловича составили вместе с ним Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Б.А. Успенский и А.М. Пятигорский. Якобсон, по свидетельству Иванова, на повторные просьбы не отвечал¹⁸.

С М.М.Бахтиным Лотман смог познакомиться, когда Бахтин в конце 1969 года получил возможность жить под Москвой. По свидетельству Б.Ф.Егорова, первая встреча состоялась в июле-августе 1970 года, когда Ю.М.Лотман был в Москве¹⁹. Тяжелое впечатление от бытовых проблем Бахтина заставило Лотмана по возвращении в Эстонию заняться подготовкой его переезда в Тарту, но Бахтин отказался от предложения. Уже после смерти М.М.Бахтина Лотман прочтет доклад на международном Бахтинском симпозиуме в Германском университете им. Ф.Шиллера (Йена, 1983). В докладе Лотман сопоставил метод Бахтина и концепцию Ф. де Соссюра, акцентируя два положения Бахтина, которые важны для *нового* этапа существования Тартуско-московской школы: динамический характер знаковых систем и учение о диалоге в противовес «монологическим» концепциям²⁰.

Ю.М.Лотман, отталкиваясь от представления о знаке Ф. де Соссюра, через категорию текст продвигается к представлению о семиотическом пространстве как *семиосфере*. Структурно-семиотический метод Лотмана рассматривает любой социо-культурный объект как целостность, прежде всего текстуальную. «Текст» с одной стороны субстанционально репрезентирует мыслительные процессы человека, с другой, сам становится «семиотической личностью». Семиосфера является совокупностью «семиотических личностей», но в то же время она предстает целостной системой, которая располагается между человеком и природой-действительностью, и именно ее коммуникативные механизмы позволяют человеку

осуществлять процесс познания. Диалогичность и, следовательно, динамичность семиотических процессов – позволяют трактовать семиосферу как «открытую» структуру: любая семиосфера вступая в диалогические отношения с другими семиосферами, организованными по собственным структурным принципам, сама переструктурируется. Первоначальная концепция вторичных моделирующих систем Лотмана, которая потенциально вела к рассмотрению естественного языка как начальной системы, трансформируется. Знаковая структура мыслится как содержащая несколько сообщений, которые создаются на различных языках. Каждый акт коммуникации включает элементы диалога, перевода и творчества, посредством чего диалог начинается уже внутри отправителя, говорящий субъект не изначален по отношению к коммуникативному аспекту, что приводит к взрывным процессам внутри структуры.

Таким образом, структурно-семиотическая концепция Ю.М.Лотмана имеет своими предпосылками структурную лингвистику Р.О.Якобсона, структурное литературоведение В.Я.Проппа, системный подход в философии и естествознании, концепцию диалога М.М.Бахтина.

1. *Канке В.А.* Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. - М.: Логос, 2000. - С.97.
2. *Автономова Н.С.* Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров/ Н.С.Автономова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С.30.
3. См.: *Мелетинский Е.М.* Структурно-топологическое изучение сказки // Пропп В.Я. Собрание трудов. Т.2. Исторические корни волшебной сказки. Москва: Лабиринт, 1998. – С. 441.
4. *Автономова Н.С.* Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров/ Н.С.Автономова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С. 88.
5. *Там же.* – С.96.
6. См.: *Там же.* – С. 97-98.
7. *Автономова Н.С.* Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров/ Н.С.Автономова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С. 159 -160
8. *Там же.* – С. 161
9. *Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка. - Ленинград: Прибой, 1930. – С.16
10. *Там же.* – С.20
11. См.: *Иванов Вяч.Вс.* Значение идей М.М.Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // Труды по знаковым системам. Вып. VIII (Ученые записки Тартуского университета. Вып. 308). Тарту, 1973. – С. 5—44.
12. *Лотман Ю.М.* О разграничении лингвистического и литературоведческого понятия структуры // Вопросы языкознания. 1963. № 3. – С. 52.
13. *Автономова Н.С.* Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров/ Н.С.Автономова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С. 242 -243.

14. Письмо Ю.М.Лотмана – Н.С.Автономовой [23 февраля 1978 года]// Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров/ Н.С.Автономова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С.469.

15. См. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика// Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – С.193 – 230.

16. Б.Ф.Егоров Лотман как человек и явление// Юрий Михайлович Лотман / Под ред. В.К.Кантора. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С. 27.

17. Жолковский А.М. Роман Осипович Якобсон (Из немецких заметок) [Electronic resource] //http://www-bcf.usc.edu/~alikh/mem/jakob.htm.

18. См.: Иванов Вяч.Вс. О Романах Якобсоне. (Главы из воспоминаний)// «Звезда» 1999, №7. – С. 139-145.

19. См.: Егоров Б.Ф. Ю.М.Лотман как человек и явление// Юрий Михайлович Лотман/ Под. ред. В.К.Кантора. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 68.

20. См.: Там же. – С. 57.

Осука Фумикадзу (Япония)

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ЭТИКИ В «ФИЛОСОФИИ ИМЕНИ» А.Ф. ЛОСЕВА

Осука Фумикадзу

профессор Национального университета Иокогамы, Япония

можно сказать, результат его синтетических и систематических размышлений по разным областям наук.

Поэтому, его теоретические работы имеют связь с конкретными содержаниями указанных областей, как он пишет: «философия имени есть...и диалектическая классификация возможных форм науки и жизни, что и понятно, раз само имя есть не больше как познанная природа, или жизнь, данная в разуме, понимаемая природа и жизнь»². Он все время обращал свое внимание на жизнь языка и его конкретное воплощение, что сделало его систему философски насыщенной и содержательной.

Лосев интересовался словом и именем не только в лингвистической и логической сфере, но и в сфере выше указанной «разумно-живой, реально-практической жизни», т.е. в этической сфере. В этом случае под «этикой» разумеется, скорее всего, наука об отношении к другим бытиям. Собственно говоря, проблемы морали или нравственности происходят из некоторых отношений, или точнее сказать, из нашей определенной связи с другими бытиями тогда, когда мы с ними одновременно существуют в одном месте. Главные этические проблемы, например, критерий добра и зла, справедливость или долг не относятся к изолированному, одинокому существованию. Как пишет Лосев, «в слове и имени – встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия (курсив мой)»³. В этом смысле его философия имени включает в себя этическую сторону, так как она имеет в виду взаимное общение говорящего человека, слова и предмета.

1. Введение

В 1920-х годах Алексей Федорович Лосев рассуждал по преимуществу о сфере чистого разума и способности суждения по классификации Канта. Например, в книге «Философия имени» (1927) он пишет: «...нашей задачей была тут только теоретическая философия имени, и мы не станем касаться имени как стихии разумно-живой, реально-практической жизни». Но, как он сразу добавил: «хотя и дали обоснование его также и в этой плоскости»¹; в действительности он в значительной степени интересовался и сферой практического разума, хотя он явным образом нигде не говорит об этических вопросах.

Уточняя историю творчества Лосева, в ранний период у него были три больших темы, – античность, язык и эстетика. Как известно, античная философия влияла на его размышления даже сильнее чем современные ему философские течения. А философия имени и эстетики,